Текст · 19 декабря 2019, 07:59
Виталий Васильченко,

Доносы, засекреченные документы и несправедливый суд. Что думают в ЕСПЧ о люстрации в странах Восточной Европы

Люстрация — да или нет? «Медиазона» и *Deutsche Welle* продолжают изучать опыт посткоммунистических стран Восточной Европы, перед которыми уже 30 лет назад встал вопрос о том, как реформировать безнадежно скомпрометировавший себя государственный аппарат и не допустить к власти тех, кто был причастен к преследованию инакомыслящих. На этот раз Виталий Васильченко рассказывает, как люстрация в этих странах неизбежно привела к нарушениям прав человека — и как отреагировал на них ЕСПЧ.

«Стигматизация обществом» и люстрация в Литве

31 мая 1999 года сотрудник литовской налоговой инспекции Юозас Сидабрас получает письмо: по итогам расследования его личного дела Государственная служба безопасности (VSD[1]) и

Центр исследования геноцида и сопротивления народа Литвы (LGGRTC[2]) пришли к выводу, что Сидабрас — бывший офицер КГБ. Комиссия установила, что после выпуска из Литовского института физической культуры Сидабрас был завербован местным КГБ и с 1975 по 1986 год сотрудничал с советскими спецслужбами.

Через два дня Сидабрас потеряет работу в налоговой. В тот же день Генеральная прокуратура увольняет Кястутиса Джяутаса — одного из ведущих прокуроров, занимавшегося расследованиями громких коррупционных дел и борьбой с организованной преступностью. За пару дней до этого совместная комиссия VSD и Центра исследования геноцида признала Джяутаса «бывшим офицером КГБ» — в случае прокурора это означало незамедлительный запрет на профессию.

Как и в любой другой стране Восточной Европы, люстрационные законы становятся в Литве предметом ожесточенной политической борьбы между правым и левым лагерем. Первые относительно мягкие люстрационные законы вступают в силу уже в начале 1990-х: тогда гражданам предлагалось добровольно раскрыть факты своего сотрудничества с советскими органами госбезопасности — в таком случае их имена вносились в закрытый реестр, а государство обещало не

подвергать сознавшихся ни моральному порицанию, ни юридическому преследованию.

В конце девяностых новому правоконсервативному правительству удалось провести через парламент так называемый «закон о КГБ», запрещающий бывшим сотрудникам и информаторам советских спецслужб занимать определенные должности на государственной службе. Более того, несмотря на критику юристов и правозащитников, Литва становится первой страной Балтии, которая распространяет действие люстрационного законодательства и на частный сектор экономики. Подобные меры обсуждались и в других странах Восточной Европы, но решилась на них только Литва.

В частности, новый люстрационный закон 1998 года запретил бывшим сотрудникам спецслужб в течение 10 лет после его вступления в силу поступать на государственную службу или службу в армии, работать в пенитенциарных, надзорных и образовательных учреждениях. Они также лишались права работать адвокатами и нотариусами, занимать должности в банках и страховых компаниях, охранных и детективных агентствах, государственных и частных медиа. Кроме того, ограничения накладывались на любые профессии, предполагающие ношение оружия.

После долгой полемики и решения Конституционного суда в принятый закон было внесено смягчающее положение: под действие запретов не попадают бывшие агенты, которые в течение следующих трех месяцев добровольно обратятся в *VSD* и предоставят спецслужбе всю

имеющуюся у них информацию о круге своей деятельности, бывших коллегах и осведомителях.

Люстрация в странах Балтии осложнялась отсутствием значительной части архивов: накануне провозглашения независимости КГБ вывозит из Латвии, Литвы и Эстонии свои документы в Москву. Из-за этого собирать информацию спецслужбам приходилось самыми разными способами. Так, спустя месяц после принятия нового закона о люстрации VSD отчитывается о первых крупных успехах: несмотря на отсутствие подобного требования в законе, предприниматели и крупные компании передают государству информацию о своих сотрудниках, которые в прошлом могли быть информаторами или агентами КГБ.

Попытка трех оппозиционных депутатов оспорить закон в Конституционном суде заканчивается неудачно: судьи с некоторой задержкой все же решили, что новый люстрационный механизм в целом совместим с принципами правового государства. Лишь одно наиболее спорное положение было признано антиконституционным: первая версия закона не признавала за бывшими агентами госбезопасности права обжаловать решение люстрационной комиссии.

Благодаря этому уволенный из налоговой инспекции Юозас Сидабрас попытался опротестовать решение люстрационной комиссии: по его словам, с 1975 по 1986 год он занимался по большей части идеологической работой, лишь изредка был вовлечен в контрразведывательные операции и никак не нарушал права и свободы граждан Литвы. В

своей административной жалобе Сидабрас требовал отменить решение люстрационной комиссии и разрешить ему продолжить работу в налоговой службе.

Похожую жалобу подал и прокурор Кястутис Джяутас, утверждавший, что большую часть времени с 1985 по 1990 год он проходил обучение в Высшей школе КГБ в Москве, а с 1991 года был двойным агентом и информатором литовских спецслужб. Обе жалобы были отклонены судами второй и третьей инстанции — и в январе 2000 года оказались в Европейском суде по правам человека (ЕСПЧ).

В своем решении Страсбургский суд признал, что распространение люстрационного закона на частный сектор экономики и его отдельные положения были непропорциональными мерами, а «стигматизация обществом» бывших сотрудников и агентов КГБ за их «прежние связи с репрессивным режимом» — нарушением права на неприкосновенность частной жизни. Как и во многих других случаях, посткоммунистические страны Восточной Европы сталкиваются с дилеммой: неизбежность люстрации наталкивается на необходимость соблюдения прав человека и взятых на себя международных обязательств.

Бархатные чистки как «мера по устранению наследия тоталитарных систем»

В начале девяностых права человека в странах Восточной Европы и вопрос о правовой проработке

недавнего коммунистического прошлого — это две параллельные дискуссии, которые едва ли пересекаются друг с другом. Одна за другой бывшие страны Варшавского договора вступают в Совет Европы и признают юрисдикцию ЕСПЧ: Венгрия в 1990, Польша и Чехословакия в 1991, Болгария в 1992, Литва, Эстония, Румыния в 1993, Латвия, Молдавия и Украина в 1995, Россия в 1996 году.

Совет Европы в тот момент считал необходимым как можно скорее обеспечить становление новых демократий и распространение Европейской конвенции по правам человека в Восточной Европе, объясняет экс-президент ЕСПЧ Люциус Вильдхабер. Он называет столь быстрый прием в Совет Европы бывших коммунистических стран, и в особенности России, отчасти поспешным. Большинство из них слабо представляли себе, как должно выглядеть современное демократическое правовое государство и какие механизмы должны гарантировать его гражданам соблюдение прав человека.



Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

С другой стороны, начавшийся процесс декоммунизации горячо поддерживают страны Западной Европы и США, далекие от понимания реалий посткоммунизма, — в их представлении бенефициары бывших авторитарных режимов представляют угрозу для молодых демократий, поэтому ключевые государственные

институты должны быть переданы в руки демократически настроенных профессионалов, не запятнавших себя нарушениями прав человека. Правительства новых стран Восточной Европы понимают этот призыв буквально — вслед за декоративными переименованиями топонимов и другими символическими жестами декоммунизация и люстрация, как одна из ее наиболее спорных мер, быстро становятся важными инструментами борьбы за власть.

На волне первых законов о люстрациях Парламентская Ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) принимает резолюцию о «мерах по устранению наследия бывших коммунистических тоталитарных систем», осуждающую принцип коллективной ответственности. Поддерживая страны в стремлении защитить новые демократии от отката к авторитаризму, резолюция признает механизм люстрации в принципе совместимым с принципами правового государства, однако подчеркивает: будучи индивидуальной, вина должна быть доказана в индивидуальном порядке. Никто не должен подвергаться люстрации только из-за своей принадлежности к какой-либо организации на службе бывших коммунистических режимов или за деятельность, которая была на тот момент легальной с точки зрения внутреннего и международного права.

Более того, люстрируемые должны иметь право на юридическую защиту и возможность оспорить решение в суде. Люстрации не должны становиться сведением счетов, а вопрос персональной ответственности за совершенные при коммунистических режимах преступления — задача

уголовного права и судебных разбирательств. ПАСЕ рекомендует государствам — членам Совета Европы придерживаться этих рекомендаций, однако остается по большей мере неуслышанной.

Другие международные организации, среди которых Евросоюз и ООН, встречают люстрации как инструмент декоммунизации более чем настороженно. Единственная мера, которая однозначно приветствуется на международном уровне — открытие архивов коммунистических спецслужб, которое, впрочем, происходит далеко не сразу.

Уже первый люстрационный закон Восточной Европы, принятый в Чехословакии, встречает шквал критики со стороны правозащитников, а Международная организация труда и *Human Rights Watch* и вовсе называют саму идею люстраций «охотой на ведьм». «Очевидным нарушением прав человека» чехословацкий закон, который впоследствии станет моделью для большинства стран Восточной Европы, считает и Государственный департамент США.

В своих репортажах из бывшего Восточного блока западные журналисты ожидаемо сравнивают люстрационное законодательство с «Процессом» Кафки. Правозащитники обращают внимание, что эмоциональность, с которой обсуждаются люстрационные законы, несет в себе идеологический заряд, в сущности, мало чем отличающийся от коммунистического. По их мнению, вопрос правовой проработки прошлого — это в первую очередь вопрос уголовного правосудия и независимого суда.

Все еще секретные архивы и право на справедливый суд

Уже в середине девяностых первые жалобы на нарушения прав человека в ходе применения люстрационных законов оказываются в ЕСПЧ, однако основные решения суд принимает лишь в начале двухтысячных. Ключевым для всей последующей практики суда, касающейся процессов люстрации и декоммунизации в Восточной Европе, становится дело Иван Турек против Словакии.

После падения режима Турек продолжал служить в местном управлении образования, пока в январе 1992 года работодатель не потребовал от него предоставить люстрационный сертификат, подтверждающий, что он не был информатором спецслужб. В марте министерство внутренних дел подтверждает — согласно архивам Службы безопасности Чехословакии, Турек сотрудничал с политической полицией, а значит, больше не может занимать должность на госслужбе. Вскоре имя Турека публикуется в «списке коллаборантов», который неофициально был передан прессе, хотя люстрационное законодательство Чехословакии гарантировало непубличность.



Люстрация не то, чем она кажется. Как страны Восточной Европы разбирались со своим недавним прошлым

В своих многолетних тяжбах в словацких судах — Чехословакия разделилась на два независимых государства в 1993 году — и затем в ЕСПЧ Иван Турек пытается доказать: внесение его имени в документы Службы безопасности, последовавшие за этим санкции и публикации в прессе нарушают его право на неприкосновенность частной жизни (статья 8 Конвенции). Кроме того, утверждает он, сложившаяся в странах бывшей Чехословакии практика применения люстрационных законов не оставляет люстрируемым возможности ознакомиться с документами коммунистических органов госбезопасности, а потому нарушает право на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции).

В 2006 году Европейский суд признал, что в обоих случаях государство действительно нарушило права Ивана Турека, гарантированные Конвенцией. В своем решении ЕСПЧ подчеркивает, что по своему характеру люстрация направлена в первую очередь против прежних коммунистических элит и не должна так широко применяться по отношению к обычным госслужащим. Отсутствие процедуры по заслушиванию самих люстрируемых, равно как и механизма обжалования подобных решений — прямое нарушение прав человека, констатировал ЕСПЧ.

Таким же нарушением права на справедливый суд была признана и практика засекречивания документов о сотрудничестве граждан с коммунистическими спецслужбами, принятая уже новым демократическим государством.

Вопрос о доступе к документам коммунистических органов госбезопасности становится предметом другого разбирательства в ЕСПЧ в деле Матыйек против Польши — страны-рекордсменки по числу жалоб на применение люстрационных законов. Будучи депутатом польского Сейма, Матыйек в 1997 году указал в своей люстрационной декларации, заполнять которую его обязывал только принятый закон, что не сотрудничал с коммунистическими спецслужбами. Спустя два года люстрационный прокурор подал жалобу в апелляционный суд, утверждая, что Матыйек солгал. В итоге суд в Варшаве признал депутата агентом польской Службы безопасности (СБ): свое решение судья обосновал графологической экспертизой и архивными документами коммунистической спецслужбы. Впрочем, документы из архива были признаны секретными, так что сам люстрированный ознакомиться с ними так и не смог.

В своей апелляции депутат Матыйек настаивал, что СБ внесла его имя в список информаторов без его ведома. Он признал, что среди его знакомых в свое время действительно могли быть сотрудники народной милиции и, вероятно, один агент СБ, однако их общение никогда не выходило за рамки дружеских бесед, поэтому ни о каком сознательном сотрудничестве со спецслужбами речи быть не может.

Более того, Матыйек предложил в качестве свидетеля вызвать в суд своего давнего приятеля, предполагаемого агента СБ, и провести независимую графологическую экспертизу архивных документов. Последнюю, как выяснилось в ходе разбирательства, выполнили сотрудники Бюро национальной безопасности — новой спецслужбы в посткоммунистической Польше. Но и во второй инстанции суд отклонил ходатайства Матыйека и пришел к тому же выводу: депутат солгал в своей люстрационной декларации. В итоге его жалоба дошла до ЕСПЧ, который в 2007 году признал нарушение права на справедливый суд (статья 6 Конвенции).

К такому же заключению Европейский суд пришел и в похожем деле Любох против Польши. В восьмидесятых выпускник юридического факультета Збигнев Любох уезжает к своим родственникам заграницу и изредка ведет переписку со своим хорошим знакомым, школьным учителем. Как выяснилось впоследствии, знакомый все это время работает офицером СБ и вносит имя Любоха в список информаторов спецслужбы. Из-за этого в 1997 году вернувшийся в Польшу юрист попадает

под люстрационные ограничения и не может работать по своей специальности, а все попытки оспорить это решение заканчиваются провалом. Во время апелляций суд отказывается выслушивать свидетелей защиты и даже предоставить Любоху возможность изучить материалы дела, ссылаясь на секретность доказательств. В 2008 году ЕСПЧ ожидаемо признал, что право юриста на справедливый и независимый суд было нарушено.

Косвенно предметом разбирательства в Европейском суде по правам человека становится и мягкая люстрация в деле Реквеньи против Венгрии-. В этой стране сам факт сотрудничества с коммунистическими службами госбезопасности не приводил ни к каким правовым последствиям — но при этом имена бывших агентов публиковались в официальной правительственной газете. С другой стороны, согласно новой конституции Венгрии действующие высокопоставленные офицеры разведки, армии, полиции и спецслужб не могли принимать активное участие в политической жизни: им запрещалось вступать в партии и претендовать на выборные должности. Именно в эти структуры массово перешли бывшие функционеры коммунистического режима — и возможный рост их влияния представлялся авторам демократической конституции достаточно опасным.

Оспорить это положение и пытался офицер полиции Ласло Реквеньи, который посчитал его скрытой формой люстрации, ограничившей его право на свободу выражения мнения (статья 10 Конвенции).

И если в случае несоблюдения права на справедливый суд ЕСПЧ в большинстве случаев встает на сторону подвергнутых люстрации, то попытки признать люстрационные практики в целом нарушающими права человека редко убеждают судей. В 1999 году ЕСПЧ вынес неоднозначно принятое правозащитниками и международными организациями решение по делу Реквеньи, не найдя в его случае нарушения права на свободу мнений: судьи отметили, что демократические государства все же имеют право ограничивать участие сотрудников полиции, армии и спецслужб в политической жизни. Похожее решение ЕСПЧ вынес в деле Жданок против Латвии.

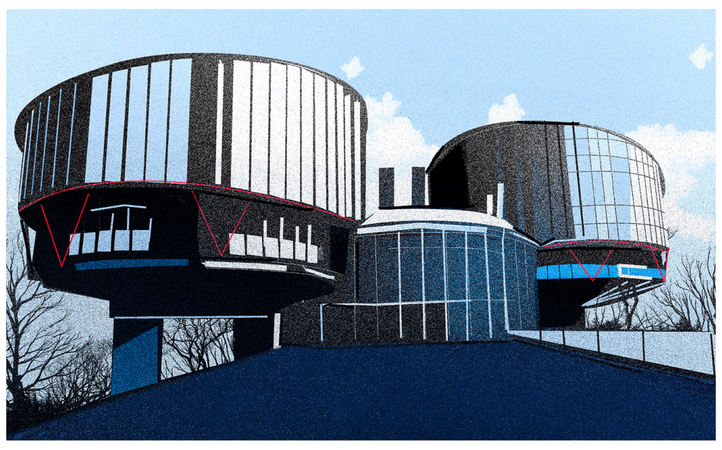


Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Перегибы переходного периода

Вопрос о необходимости люстрации возникает сразу после распада Восточного блока, но и до сегодняшнего дня декоммунизация все еще остается ключевым элементом политической повестки бывших социалистических стран Европы. В середине нулевых на фоне усиления правоконсервативных правительств люстрация получает вторую жизнь — и, как следствие, ЕСПЧ по-прежнему ежегодно выносит решения о связанных с ней нарушениях прав человека.

Новый материал для правовой оценки поставляют и недавно присоединившиеся к Совету Европы страны бывшей Югославии, которые приняли свои варианты люстрационных законов, касающиеся не только коммунистического прошлого, но и военных преступлений во время вооруженных конфликтов на Балканах.

Конституционные суды, международные организации и правозащитники продолжают настаивать: основная идея люстрации — защита демократии от элит предыдущего режима, влияние которых может грозить откатом государства в авторитарное прошлое. Однако нарушения прав человека во время люстрации — такая же угроза для демократии.

Юристы и правозащитники сходятся во мнении, что массовый характер люстрации не приносит желаемого эффекта, поэтому ее масштаб должен ограничиваться элитой и бенефициарами прежнего режима, а также прямо ответственными за нарушения прав человека.

В международной научной дискуссии даже успело оформиться целое направление исследований *transitional justice*[3], которое в том числе анализирует во многом признанный неудачным опыт стран Восточной Европы.

И хотя для этого имелись свои исторические причины, акцент в попытке правовой проработки коммунистического прошлого этих стран с самого начала ставился на сотрудников спецслужб нижнего звена и их информаторов, в то время как

инициаторам репрессий и политикам, которые принимали фатальные для экономики и социальной сферы решения, большей частью удалось избежать судебного преследования. Более того, многие из них, в первую очередь «крепкие хозяйственники», продолжили политическую карьеру в новых демократических государствах.

В накопившейся за два десятилетия практике ЕСПЧ судьи последовательно выявляют в странах, выбравших чешскую или польскую модели люстраций, нарушения прав человека в соответствии с 6 статьей Конвенции, гарантирующей право на справедливое и независимое судебное разбирательство. С другой стороны, ЕСПЧ признает: общество посткоммунистических стран имеет право знать имена тех, кто активно сотрудничал с авторитарными режимами и работал на органы госбезопасности.

В 2015 году ЕСПЧ не нашел нарушения права на неприкосновенность частной жизни (статья 8 Конвенции) в деле Сыро против Эстонии: Михаил Сыро, водитель автобуса в Тарту, пытался доказать, что публикация его имени в правительственной газете как сотрудника спецслужб — хотя с 1980 по 1991 он работал всего лишь водителем в КГБ — это непропорциональная мера, нарушающая его права. В другом деле ЕСПЧ в 2017 году, напротив, признал нарушающей право на частную жизнь подобную публикацию имени журналиста Петара Караджанова, который хоть и писал доносы на коллег, свою жену и родного брата, но никогда не занимал должности на государственной службе.

Осенью 2019 года ЕСПЧ в деле Билеский против Северной Македонии вынес последнее на сегодняшний день решение, связанное с применением люстрационных законов в странах бывшего социалистического блока. В середине нулевых Северная Македония (на тот момент носившая имя Бывшая югославская республика Македония) принимает свой первый закон о люстрации, созданный по чешской модели. А в декабре 2010 года районный судья Драги Билеский в письменной присяге отрицает свое сотрудничество с коммунистическими спецслужбами — по итогам расследования люстрационная комиссия не находит в архивах опровергающей это информации.

Следующие два года Билеский остается в должности судьи, пока в ноябре 2012-го анонимный источник не сообщает люстрационной комиссии: во время учебы на юрфаке Билеский был информатором Службы государственной безопасности Югославии. Начавшая пересмотр его дела комиссия приходит к выводу, что Билеский все-таки попадает под люстрационные ограничения и больше не может работать судьей.

Судья Билеский безуспешно требует провести публичное слушание по его делу с заслушиванием сторон и деаномизацией источника. Он настаивает на подлоге документов во время пересмотра его дела — ни на одном из актов, которые сочли подтверждающими его сотрудничество со Службой госбезопасности, нет ни его подписи, ни официальной печати спецслужбы. Последняя, как показала предыдущая люстрационная практика, была обязательной в таких случаях. Более того, судье удается получить из архивов спецслужб

подтверждение, что его имя не упоминается ни в одном доносе или списке информаторов.

Люстрационную комиссию эти доводы не убеждают, и она все же называет Билеского информатором спецслужбы. Дело попадает в ЕСПЧ, который уже привычно признает: Северная Македония нарушила право уже бывшего судьи на справедливый и независимый суд.

Источники

Schroeder, Friedrich-Christian, and Herbert Küpper. Die Rechtliche Aufarbeitung Der Kommunistischen Vergangenheit in Osteuropa. Frankfurt Am Main Wien [u.a.]: Lang, 2010.

Werle, Gerhard, and Moritz Vormbaum. Transitional Justice. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2018. Springer-Lehrbuch.

Mihr, Anja; Pickel, Gert; Pickel, Susanne. Handbuch Transitional Justice. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018. Springer Reference Sozialwissenschaften.

David, Roman. Lustration and Transitional Justice: Personnel Systems in the Czech Republic, Hungary, and Poland. Philadelphia, Pa.: U of Pennsylvania, 2011. Pennsylvania Studies in Human Rights.

Unverhau, Dagmar. Lustration, Aktenöffnung, Demokratischer Umbruch in Polen, Tschechien, Der Slowakei Und Ungarn: Referate Der Tagung Des BStU Und Der Akademie Für Politische Bildung Tutzing Vom 26. — 28.10.1998. 2., Durchges. Aufl. ed. Münster [u.a.]: Lit, 2005.

Dvořáková, Vladimíra. Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern

Europe. Zagreb: CPI, 2007. Print. Ser. of Political Science Research Centre Forum
Horne, Cynthia M. «International Legal Rulings on Lustration Policies in Central and Eastern Europe: Rule of Law in Historical Context.» Law & Social Inquiry 34.3 (2009)
Moltz, Ryan, Aminzade, Ronald, Boyle, Elizabeth, Ni Aolain, Fionnuala, and Savelsberg, Joachim. Dealing with Communist Legacies: The Politics of Lustration in Eastern Europe (2014)
Brems, Eva. «Transitional Justice in the Case Law of the European Court of Human Rights.» International Journal of Transitional Justice 5.2 (2011)
Killingsworth, Matt. «Lustration and Legitimacy.» Global Society 24.1 (2010)
Czarnota, Adam. The Politics of Lustration Law in Poland, 1989-2006. In: Mayer-Rieck, Alexander; de Greiff, Pablo (eds.) Justice as Prevention. Vetting Public Employees in Transitional Societies. New York: SSRC, 2007
Choi, Susanne Y. P., and Roman David. «Lustration Systems and Trust: Evidence from Survey Experiments in the Czech Republic, Hungary, and Poland 1.» American Journal of Sociology 117.4 (2012)
Nußberger, Angelika. Bewusstes Erinnern Und Bewusstes Vergessen : Der Juristische Umgang Mit Der Vergangenheit in Den Ländern Mittel- Und Osteuropas. Tübingen: Mohr Siebeck, 2011.
Hofmann, Mahulena. Von Der Transformation Zur Kooperationsoffenheit? : Die Öffnung Der Rechtsordnungen Ausgewählter Staaten Mittel- Und Osteuropas Für Das Völker- Und Europarecht. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009.
Kley-Struller, Andreas. Art. 6 EMRK Als Rechtsschutzgarantie Gegen Die öffentliche Gewalt

: Die Aktuelle Praxis Der Konventionsorgane Zur Anwendung Des Art. 6 EMRK in Der Verwaltungsrechtspflege ; Analysen Und Perspektiven. Zürich: Schulthess, Polygraphischer Verl., 1993.

«Richterliche Unabhängigkeit Und Unparteilichkeit Nach Art. 6 EMRK — Anforderungen Der Europäischen Menschenrechtskonvention Und Spezielle Probleme in Den östlichen Europastaaten.» Wirtschaft Und Recht in Osteuropa 03 (2015)

Weichselbaum, Barbara. «Disziplinarrecht Der Beamten Und Europäische Menschenrechtskonvention.» Zeitschrift Für öffentliches Recht 62.4 (2007)

Редактор: Егор Сковорода

1. Valstybės saugumo departamentas
2. Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras
3. Правосудия переходного периода (англ.)